

Красавец, умница, блистательно образованный и безмерно богатый, неотразимый остроумец и великолепный наездник (неизменно брал на бегах первые призы), Александр Васильевич Сухово-Кобылин был баловнем судьбы, ее фаворитом. Но — до поры до времени. Встреча в парижском ресторане "Пале-Рояль" с юной модисткой Луизой Симон-Деманш послужила как бы прологом к полосе несчастий, что, выдержав своего рода инкубационный период, обрушились на него через десять лет. "То была жестокая точка поворота", — напишет он потом в наброске автобиографии.

Надо ли говорить, что азартный, уверенный в себе и своей счастливой звездой 23-летний русский путешественник даже отдаленно не предвидел подобного поворота? Любезно предложил оказавшейся без работы очаровательной модистке свое покровительство. Он сделал это, когда отвозил ее из ресторана домой, — на этот счет в дневнике Сухово-Кобылина есть лаконичная запись: "Я провожаю Луизу до дому — она меня не пускает к себе".

Ах, не пускает?! Но Александр Васильевич был не из тех, кто дает задний ход. Следующий визит его оказался куда более успешным. Какую же помощь готов был ока-

имела ни малейших шансов трансформироваться в законный брак. Даже если б он и пожелал этого, воспротивилась бы семья: какая-то,

дело Сухово-Кобылина, и в нем среди бумаг, конфискованных при обыске на квартире подозреваемого в убийстве, — написанные разными женскими почерками пламенные послания. На большинстве записок даты отсутствуют, но в некоторых — проставлены, и это позволяет с уверенностью сказать, что написаны они в те самые годы, когда фактической женой Сухово-Кобылина была Луиза Деманш.

Догадывалась ли она о его многочисленных любовных связях? Разумеется, догадывалась — да и мудрено было не догадаться, если он

ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ НЕ РАСКРЫТО ДО СИХ ПОР. В ПРИЧАСТНОСТИ К НЕМУ ОБВИНЯЛСЯ ДРАМАТУРГ СУХОВО-КОБЫЛИН

УБИЙСТВО ЛУИЗЫ ДЕМАНШ

Рис. Геннадия Новожилова.

зять женщине благодарный, щедрый и влиятельный красавец, которого парижанка одарила своей благосклонностью? Во-первых, он берет на себя рекомендательным письмом к одной из самых дорогих петербургских портных. Во-вторых, деньгами на дорогу. В-третьих, гарантирует внимание и всяческую помощь в России.

Голубые глаза Луизы глядели на статного русского удалца с восхищением и надеждой. Она поверила ему — да и не поверить Сухово-Кобылину было трудно — и вскоре отправилась вслед за ним в далекую Россию.

6 октября 1842 года она была в Петербурге, а уже зимой оказалась в Москве. Своему благодетелю решила до поры до времени не объявляться, но он прознал, что она тут, рядом и тотчас бросился к ней.

О первом на московской земле свидании с Луизой — Сухово-Кобылин называет его "сладостным" — в дневнике его сказано мимоходом всего несколько слов. Но слов выразительных.

"Я приехал за нею в санях. Она вышла. Я ее посадил в сани и... какая досадная эта зима — эта шуба..."

Ну так долой шубу, коль скоро она мешает наслаждаться теплом и трепетом ее прелестного тела, по которому он так истосковался за долгие месяцы разлуки! Долгой изнурительную, скучную работу швеи — он придумает для нее занятие поинтереснее... И придумал, отдав в полное ее распоряжение часть своих магазинов, где в числе прочего торговали превосходным шампанским из кобылинских подвалов. А дабы она ни в чем не нуждалась, снял для нее квартиру. И не какие-то там меблированные комнатенки, а целый этаж в центре Москвы, на Тверской, отписав в услужение новоявленной госпоже несколько дворовых людей.

Славное получилось гнездышко. Уютное и спокойное. Ну а дальше? Совершенно ясно, что эта связь не

без роду и племени, иностранка — и он, потомок боярина XIV века Андрея Кобылы, родоначальника известных на Руси дворянских фамилий, в том числе и царствующего дома Романовых.

Луиза Деманш приняла русское гражданство и соответственно русское имя: Луиза Ивановна. С легкой руки Александра в доме ее называли "маменькой". Это фамильярное словечко означало фактически признание ее не только хозяйкой дома, но и пусть не венчанной, а все-таки женой. Да и сама Луиза Ивановна считала себя таковой. И считала, и подбодряющим образом вела. Это раздражало потомка Андрея Кобылы — свободу он ценил чрезвычайно. Но раздражало не всегда, в иные минуты он умилялся ее трогательной заботе. Так, много позже, когда ее уже не будет в живых, а потомок Андрея Кобылы обвинят в ее вероломном убийстве, Александр Васильевич будет с грустью вспоминать в дневнике о давней поездке с Луизой в свое родовое поместье на обрывистом берегу подмосковной Пахры.

"Я ходил по покосу, она пошла за грибами. Наступил вечер, парило, в воздухе было мягко, тепло и пахло кошеной травой. Мерно и тихо шуршали косы. Я начал искать ее и невдалеке между двух простых березовых кустов нашел ее на ковре у самовара в хлопотах, чтобы приготовить мне чай. Солнце было уже низко, прямо против нас. Я сел, поцеловал ее за милые хлопоты и за мысль устроить мне чай. По ее белому лицу пробежало то волнение, ясное выражение, которое говорит, что на сердце страх как хорошо".

Увы, на сердце бывало по-разному. Он, повторим еще раз, любил свободу и пользовался ею в полной мере, благо не мог пожаловаться на невнимание прекрасного пола — тому есть документальное подтверждение. Сохранилось уголовное

пропадал вдруг на несколько дней, а то и недель. Она смертельно скучала. Она страдала. Она умоляла уделить ей хотя бы час времени.

"Я очень грустна и очень нездорова. Если у тебя есть свободная минута, заезжай, пожалуйста, ко мне. Я очень буду тебе за то благодарна. Целую тебя и жму твои добрые руки. Преданная тебе Луиза".

Иногда он соизволял отвечать ей — в обычной своей шутиливой манере. В конце концов, отчаявшись, она решила уехать на родину, но не уехала, и это стоило ей жизни. 9 ноября 1850 года "за Пресненской заставой, на Ходынском поле, — писал в рапорте на имя обер-полицейстера дежурный пристав, — найдено мертвое тело женщины неизвестного звания".

И звание, и имя установили без особого труда: это была та самая московская купчиха Симон-Деманш, которую вот уже сутки разыскивал обеспокоенный ее таинственным и внезапным исчезновением оставший титулярный советник Сухово-Кобылин.

Последний раз виделись в понедельник 6 ноября, вечером — он приехал к ней, получив утром ее письмо, в котором она умоляла "любезного Александра" (обычное ее обращение к нему) взглянуть к ней хотя бы на четверть часика. "Мне необходимо, мне нужно поговорить с вами. Не откажите мне. Я, может быть, беспокою вас в последний раз..."

Поразительная деталь: Луиза Ивановна назначает встречу на вечер и тут же — то ли не надеясь, что он откликнется, то ли спеша сказать то, что больше уже не представится случая сказать, — добавляет: "Прощайте, жизнь моя очень грустна".

Прощайте... И еще, сразу после подписи: "Вероятно, вы уже скоро не услышите обо мне в Москве".

Какой смысл вкладывала молодая женщина в эти слова, остается толь-

ко гадать. То ли собиралась осуществить давнее свое намерение — уехать, то ли предчувствовала скорый страшный конец.

А конец ее был действительно страшен. Осматривающий тело доктор Тихомиров подробно описал в предназначенном для полиции акте медицинского обследования и ужасную, "с рваными разошедшимися краями" рану на шее, и огромный синяк под левым глазом, и сломанные ребра...

Новость мгновенно облетела Москву, о ней говорили в салонах и судачили на площадях, ее обсуждали светские львицы и комментировали серьезные люди. Лев Толстой через день после своего приезда в Москву писал своей тете Т.А. Ергольской: "Так как вы охотница до трагических историй, расскажу вам ту, которая наделала шуму по всей Москве. Некто Кобылин содержал некую г-жу Симон, которой дал в услужение двоих мужчин и одну горничную. Этот Кобылин был раньше в связи с г-жой Нарышкиной, рожденной Еворинг, женщиной из лучшего московского общества и очень на виду. Кобылин продолжал с ней переписываться, несмотря на свою связь с г-жой Симон. И вот в одно прекрасное утро г-жу Симон находят убитой, и верные улики указывают, что убийцы ее — ее собственные люди. Это бы куда ни шло, но при аресте Кобылина полиция нашла письма Нарышкиной с упреками ему, что он ее бросил и с угрозами по адресу г-жи Симон. Таким образом, — заканчивает свой рассказ Толстой, — предполагают, что убийцы были направлены Нарышкиной".

Письмо это написано 7 декабря — не прошло и месяца после гибели Луизы, — а днем позже, 8 декабря, Надежда Ивановна Нарышкина, наскоро собравшись, тайком укатила в Париж. О ее причастности к убийству сказать что-либо определенное трудно. Известно лишь, что в тот день, когда Луиза ушла из дому, чтобы никогда больше не вернуться сюда, ее возлюбленный блистал на балу, который давала Надежда Ивановна. И еще известно, что через несколько месяцев она родила во Франции девочку, которую Сухово-Кобылин официально признал своей дочерью. Отчимом же стал Александр Дюма-сын, за которого Нарышкина вышла замуж и с которым Сухово-Кобылин отлично ладил...

Отрабатывались, как сказали бы теперь, и другие следственные версии. Одна из них дожила до нашего века: в 1927 году ленинградское издательство "Прибой" выпустило солидный труд Леонида Гроссмана, в котором автор темпераментно доказывал, что убийцей француженки был Сухово-Кобылин. Книга так и называлась: "Преступление Сухово-Кобылина".

Собственно, ничего нового Гроссман не сказал: сенсационная версия эта зародилась сразу после обнаружения на Ходынском поле тела убитой — ее обстоятельно изложил

в своих воспоминаниях писатель Петр Боборыкин. "Вся Москва, а за ней Петербург повторяли рассказ, которому все легко верили. Рассказывали в подробностях сцену, как Сухово-Кобылин приехал к себе вместе с г-жой Нарышкиной, француженка ворвалась к нему или уже ждала его и сделала скандальную сцену. Он схватил шандал и ударил ее в висок, отчего она тут же умерла".

О том, насколько серьезно подвергалась эта гипотеза, говорят и тщательные обыски в доме Сухово-Кобылина (не обыск — обыски!), и его аресты (не арест — аресты!), и более чем полугодовое пребывание в тюрьме, где и была написана знаменитая комедия "Свадьба Кречинского". Дело дошло до самого министра юстиции, а министр, в свою очередь, официально доложил Сенату: "Многие обстоятельства дела навлекают на Сухово-Кобылина, несмотря на его упорное отрицательство, подозрение если не в самом убийстве, то в принятии в оном более или менее непосредственного участия, а также подозрение в подготовке людей своих принять убийство на себя".

В конце концов обвинения как в убийстве, так и в пособничестве убийству были с Сухово-Кобылина сняты за недоказанностью, сам император скрепил своей размашистой подписью это решение. Дело, так, по существу, и не раскрытое, пошло в архив, и, хотя было оно безмерно пухлым, многое все же в него не попало. Так, в нем отсутствует письмо Сухово-Кобылина к сестре, написанное незадолго до сороковин Луизы. "Я твердо убежден, что моя потеря огромна и что я никогда не найду привязанности, которая могла бы сравниться с этой. Только раз в жизни можно быть так любимым, вся моя юность прошла, что-бы вызвать и укрепить эту любовь, я знал это, я был в этом слишком уверен, вот почему я позволял себе несправедливость быть к ней небрежным. Только потеряв все, я узнаю и свои ошибки и величину моей потери".

Нет в деле и еще одного, пусть косвенного, но весьма важного документа: пьесы "Свадьба Кречинского", которая создавалась как раз в это время. Приученный к дисциплине и порядку, автор день за днем фиксировал в дневнике работу едва ли не над каждым эпизодом, каждой репликой, каждым словом, и вдруг, расталкивая сугубо литературные записи, выпрыгивает "живое воспоминание о моей милой и всегда в сердце живой Луизе".

Ее черты нашли свое воплощение в образе Лидочки, самым живым и самым обаятельным образом комедии.

Премьера "Свадьбы Кречинского" состоялась на сцене Малого театра 26 ноября 1855 года. Успех был оглушительным. Автора, который официально все еще находился под следствием, неистово вызывали, но он не вышел. "Я надел шубу, взял шляпу — и ускользнул из ложи... в коридор. И там был слышен целый гром рукоплесканий. Я прижал ближе к груди портрет моей милой Луизы — и махнул рукой на рукоплескания и публику".

Через полтора десятилетия роль Лидочки сыграла восемнадцатилетняя дебютантка Мария Ермолова, и тогда все увидели, что за чудо этот образ. О том, насколько героиня была дорога автору, свидетельствует хотя бы тот факт, что вторая часть драматической трилогии — "Дело" — называлась первоначально "Лидочка".

Работа над "Делом" растянулась на пять лет. За два года до ее окончания Сухово-Кобылин женился — это произошло 31 августа 1859 года, а месяцем раньше, в самый разгар подготовки к свадьбе, записал в дневнике: "Туманный образ Луизы с двумя большими слезами на глазах смотрит на меня, не спуская голубых любящих глаз — и на этих глазах две слезы — на шее рана — в сердце другие раны. Боже мой, как же это я не знал, что так ее любил".

А вот она — знала. Женщины в таких делах разбираются лучше.